

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В СЛЕНГЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ США

SOMATIC CULTURAL CODE IN US MILITARY SLANG

УДК 811.111

Чичерова Елена Александровна

Аннотация: Статья посвящена исследованию соматического кода культуры в сленге военнослужащих США. Анализ слов и устойчивых оборотов, имеющих в составе компонент-название части тела человека, в сленге представителей военной субкультуры США выявил ряд символических значений, обусловленных спецификой армейского социума. В статье делается вывод о том, что лексика и фразеология с соматическим компонентом американского военного сленга обозначает военнослужащего, его эмоции, деятельность и поведение, отношения с окружающими, номинирует единицы вооружения, военной техники и оборудования, отражает сложившиеся в армейской среде стереотипы.

Ключевые слова: культурный код, соматизм, военная субкультура, стереотип, образ.

Chicherova Elena Aleksandrovna

***Abstract:** The article is devoted to the study of somatic cultural code in US military slang. Analysis of words and idioms with the somatic component in the slang of US military subculture representatives reveals the number of symbolic meanings, determined by the army society specifics. The article concludes that vocabulary and phraseology with the somatic component in US military slang represents the soldier, his emotions, activities and behavior, relationships, nominates weapon and military equipment, reflects the stereotypes, prevailing in the army society.*

***Keywords:** cultural code, somatism, military subculture, stereotype, image.*

Особая национальная картина мира складывается исторически в границах этноса и в контексте его культуры и проявляется в единообразии моделей поведения в стереотипных ситуациях, общности представлений об окружающем мире, суждениях и высказываниях о действительности, закрепленных в лексико-фразеологическом составе языка [8, С. 11].

Характер взаимовлияния языка и культуры непостижим даже для носителей языка: процесс формирования языковой картины мира этноса определяют внутренние законы языкового развития. Доказательством тесной двусторонней связи культуры и языка является наличие свойственной языковым единицам коннотативной семантики – «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, культурных, символических «созначений», актуализация которых происходит в особых, метафорических, вторичных, т.е. «непрямых» употреблении слова [11, С. 162-163]. Воссозданию стоящей за языком культуры, наивного образа мира с входящими в его состав концептами способствует изучение совокупности значимых для культуры и человека, как ее субъекта, смыслов, выражающихся средствами различных кодов культуры [12, С. 109].

Под кодом культуры понимается совокупность представлений о картине мира народа – «о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их нравственно-временных или качественно-количественных измерений» [5, С. 20-21]. Соотносясь с древними архитепическими представлениями человека, коды культуры образуют систему координат, включающую эталоны и стереотипы культуры, участвуют в процессе формирования отношения и оценки объектов и явлений материального мира [6, С. 5].

Универсальным для всех языков мира признается соматический код культуры, что объясняется стремлением человека познать окружающую действительность, проецируя на мир и социум особенности строения собственного тела и функциональные особенности его частей. Свойства различных частей тела становятся носителями культурно-значимых смыслов, стереотипов и эталонов мышления этноса, составляют соматический, или телесный, код культуры [2, С. 5].

Соматический код, универсальный по своей природе, имеет различный удельный вес в культурах разных народов, а метафоры, в которых происходит его реализация, национально и культурно детерминированы. Символический смысл, которым наделяются части тела человека в семантике лексико-фразеологических единиц, выражает не только особенности мировоззрения этноса, но и специфику культуры малых социальных групп, тесно зависящих от национальной культуры и выступающих в качестве ее производной.

Целью настоящего исследования ставится выявление субкультурной специфики соматизмов английского языка. Отталкиваясь от положения В.Д. Бондалетова, утверждавшего, что главным символом принадлежности к социальной группе и показателем лингвистического проявления субкультуры является жаргон (сленг) [1, С. 72], рассмотрим образы, заложенные в семантику слов и словосочетаний разговорного языка представителей

вооруженных сил США для выявления военных субкультурных особенностей английских соматизмов.

Важнейшей составляющей организма человека является кровь. В культурах различных народов кровь – часть божественной энергии, дух личности, символ жизненной силы [9, С. 37].

Лексика и фразеология с компонентом-соматизмом *blood* широко представлена в английском военном сленге и актуализирует различные символические смыслы, лингвокультурологический анализ которых представляет ценность для выявления субкультурной специфики.

Кровь олицетворяет душу человека, его жизненную энергию и силу, а потеря крови неизменно связана с риском для жизни, что находит отражение в устойчивом словосочетании *bleeding edge*. Военный сленговый аналог общеупотребительных фразеологизмов *leading edge* или *cutting edge*, имеющих значение ‘передовой, современный; передний край’, возникающей ассоциацией с кровопролитием более ярко и эмоционально раскрывает особенности пребывания войск на передовой, сопряженного с риском для жизни и большим количеством жертв.

Представление об угрозе для жизни, связанной с потерей крови, лежит в основе устойчивого словосочетания *blood alley*, обозначающем улицу, на которой расположено большое количество питейных заведений, представляющую опасность для прохожих из-за большого количества пьяных посетителей баров, бродяг и хулиганов. Идиома также имеет значение ‘опасная дорога, путь’: название *Blood alley* (‘Кровавая аллея’) носит приключенческий кинофильм 1955 года американского кинорежиссера Уильяма Уэллмана, описывающий историю капитана торгового судна США, спасенного местными повстанцами из рук китайских коммунистов и согласившегося помочь в транспортировке целой деревни на борту старого речного парохода в Гонконг.

Символическое значение крови как жизни, и ее лишение, равнозначное лишению жизни, имеет связь с базовой архетипической оппозицией «жизнь –

смерть» [3, С. 200]. Лексические и фразеологические единицы, имеющие в составе компонент *blood*, содержат представления об убийстве и кровопролитии: *bloodfest* ‘резня’, *bloodshed* ‘убийство; нанести кому-л. вред, который привел к кровопролитию; ранить колюще-режущим предметом’. Слово *bloodbath* ‘массовое убийство, резня’ обладает переносным значением ‘искоренение, уничтожение’ и может обозначать временной период, в течение которого происходили трагические события.

С понятиями массового убийства неразделимо связана война. Предполагающая уничтожение противника, война порождает гибель и хаос, что определяет наличие большого количества номинаций, вызывающих образы кровопролития и насилия в профессиональном языке представителей военной субкультуры. Так, сленгизм *blood ‘n’ guts* имеет значение ‘изображение сцен насилия’; достижение целей проведением агрессивной милитаристской политики называется *blood and iron*. «Кровавыми деньгами» – *blood money* – именуются материальные средства за причиненный ущерб, выплачиваемые преступником жертве (или членам ее семьи). Идиома *blood trail* содержит представление о кровавом следе, который оставляет раненое тело, вследствие чего устойчивый оборот приобретает значение ‘подтверждение того, что противник покинул территорию; следы раненых участников сражения, по которым они могут быть выслежены и схвачены в плен’. Сленгизм *bloody shirt* именуется событием, служащее поводом для объявления войны, а также подстрекательство или провокацию начала ведения боевых действий.

Составляющей частью снаряжения представителей военно-воздушных сил США служат *blood chit* (досл. «кровавый талон») – кусок материи (кожи, шелка или нейлона) на носимом аварийном запасе членов летного экипажа, предназначенный для оповещения населения неанглоязычных стран о национальной принадлежности летчика в случае совершения им аварийной посадки. Так, например *blood chit* американского добровольческого военно-воздушного подразделения «Летающие тигры» (*American Volunteer Group*

«*Flying tigers*»), воевавшего на стороне Китая в 1941-1942 гг., содержал переведенную на китайский язык надпись «*I am an American airman. My plane is destroyed. I cannot speak your language. I am an enemy of the Japanese. Please give me food and take me to the nearest Allied military post. You will be rewarded*» («Я американский летчик. Мой самолет потерпел крушение. Я не говорю на вашем языке. Я воюю против Японии. Пожалуйста, дайте мне еды и проводите до ближайшего военного поста союзных войск. Вы будете вознаграждены», – Перевод наш. – Е. Ч.). Широко распространенные во времена Второй мировой войны, *blood chits* использовались в вооруженных силах США впоследствии в военных конфликтах в Корее и Вьетнаме и часто хранятся участниками боевых действий как сувениры, напоминающие о трагическом прошлом [13].

По данным русского ассоциативного словаря, среди реакций, возникающих на стимул «кровь» – «насилие» [4]. Военную субкультуру отличает ряд лексико-фразеологических единиц, актуализирующих представления о жестокости, связанной с кровопролитием. Например, в образном основании идиомы *have blood in the eye* лежит идея об отражении в глазах человека желания вступить в схватку и нанести увечья сопернику, за счет чего устойчивый оборот приобретает значение ‘рассвирепеть, прийти в ярость’. Образы кровопролития и жестокости находим в семантике языковых единиц *bloodthirsty* ‘жаждать расправы, мести, кровопролития’, *blood ‘n’ thunder* ‘проявлять жестокость, агрессию’, *bloody-minded* ‘безжалостный, свирепый’, *blood sport* ‘зрелищное мероприятие, связанное с убийствами и кровопролитием (коррида, петушиные бои, медвежьи потехи и т.д.)’.

Представление о крови как символе жизненной силы и поте как показателе высочайшей степени физического напряжения лежит в образном основании армейского слогана *Blood – sweat*, репрезентирующего бытующий в военной субкультуре стереотип о настоящем воине, способном превозмогать боль и усталость во время ежедневных тренировок, чтобы затем не испытывать трудностей в бою. Аналогом слогана выступает пословица *train hard – fight easy* ‘тяжело в учении, легко в бою’.

В культурах разных народов символом союза или соглашения между людьми является смешение крови [9, С. 37]. Слова и словосочетания с соматическим компонентом в составе английского военного сленга свидетельствуют о том, что кровь символизирует в военной субкультуре родственную связь. Например, сленгизм *blood brother* используется для номинации близкого друга, боевого товарища.

Немаловажным отличием образной системы соматизмов английского военного сленга служит референция к красному цвету, которым обладает кровь. В основе образа устойчивого оборота *blood stripe* лежит ассоциация с цветом элемента обмундирования военнослужащих корпуса Морской пехоты США – красной нашивки на форменных брюках, свидетельствующей о присвоении рядовому первого сержантского звания. Эмблема призвана увековечить память о сражении при Чапультепеке (*The Battle of Chapultepec*) 12-13 сентября 1847 года во время Мексиканской войны, в котором героически погиб практически в полном составе сержантский состав Морских пехотинцев.

Важнейшим твердым органом организма человека, выполняющим опорно-механическую и защитную функции, является кость. В костях, как и в крови, сосредоточены жизненные силы, а их состояние служит показателем состояния всего организма и возраста человека [10].

В английском военном сленге идею о хрупкости костей, свойственной ослабленному болезнью организму, находим во фразеологической единице *bone break fever* ‘лихорадка денге’. В семантике устойчивого оборота заключены представления об основном симптоме вирусного заболевания – боли в костях, суставах и мышцах. Насмешливое прозвище *bone cutter* (‘костолом’) в армейской среде получает военный врач, хирург.

В образном основании сленгизма *boneyard* ‘кладбище’ заключены ассоциации со смертью, так как кости – это так же останки тела человека. В военной субкультуре лексема приобретает дополнительное значение ‘свалка техники и оборудования, вышедшего из строя’.

Отличительной особенностью языка представителей армейского социума выступают лексико-фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *bone*, служащие для обозначения вооружения, военной техники и оборудования. Так, в сленге военнослужащих прозвище *bone* имеет американский сверхзвуковой стратегический бомбардировщик Рокуэлл В-1 «Лансер» (*Rockwell B-1 LANCER*). Устойчивое словосочетание *bone dome* используется в речи для номинации баллистической шлемофонной гарнитуры, составляющей часть экипировки летчиков и танкистов.

В составе ряда лексических и фразеологических единиц английского военного сленга присутствует компонент-соматизм *кожа*. Наружный покров, защищающий тело человека от внешних воздействий и участвующий в терморегуляции, дыхании, обменных и других процессах, в культурах народов символизирует границу между человеком и окружающим миром, выполняющую защитные и охранительные функции [7, С. 13-14].

В военной субкультуре компонент *skin* в составе сленгизма *cleanskin* указывает на идею о чистоте кожных покровов. Этимология лексической единицы связана с периодом Второй мировой войны, во времена которой отсутствие на теле татуировок и шрамов от нанесения телесных наказаний считалось доказательством некриминального прошлого человека. Образ, заключенный во внутренней форме, послужил основой для современного значения языковой единицы *cleanskin* ‘человек с безукоризненным поведением и незапятнанной репутацией, человек вне подозрений’. Кроме того, сленгизм используется для номинации агента под прикрытием, шпиона, а также алкогольного напитка (пиво, вино, виски и т.п.) в бутылке без этикетки и необходимых акцизных марок.

Представление о наружном покрове тела человека лежит в основе неформального наименования словом *skin* внешнего слоя транспортного средства. Так, легкобронированный или небронированный автомобиль в сленге получает определение *thin-skinned*.

Одна из производных кожного покрова человека – волосы. Примером отождествления тела человека и окружающего мира выступает сленгизм *hair-raising*, имеющий значение ‘ужасающий, страшный’. Образ лексической единицы вызывает в сознании носителя языка представление о состоянии организма, при котором от переживаемого сильного эмоционального возбуждения на кожных покровах человека приподнимаются волоски. Данный рефлекс, который не имеет для человека практического смысла ввиду ограниченности волосяного покрова, способствует созданию у млекопитающих животных устрашающего внешнего вида за счет поднятия шерсти, делающей их внешне более массивными. Идея об угрозе, исходящей от зверя со вздыбленной шерстью, заключена в семантику устойчивого оборота *hairy eyeball*, имеющего значение ‘жесткий, испепеляющий взгляд’. Другое значение идиомы – ‘смотреть строго, оценивающе’. В данном случае в образном основании лежит представление о выражении лица человека, пристально разглядывающего какой-либо объект: в стремлении навести фокус человек прищуривает глаза, вследствие чего возникает идея о взгляде через пелену ресниц.

В английском военном сленге лексико-фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *hair* содержат заключенное в семантике представление о тонкости, хрупкости и легкости человеческого волоса. Например, *hairsbreadth* ‘очень узкое пространство, близкая дистанция’. Сленгизмом *hair trigger* обозначается спусковой механизм, срабатывающий под малейшим давлением пальца, а в переносном смысле – немедленно отреагировать на провокацию, «вскипеть», «взорваться».

Длинные волосы традиционно являются атрибутом слабого пола. В армейской среде лексической единицей *longhair* именовались женщины-военнослужащие армии противника во времена войны во Вьетнаме. Сегодня сленгизм используется для номинации агентов разведывательных служб, которым разрешено отращивать волосы, бороду и бакенбарды, чтобы в ходе

выполнения задания максимально слиться с массой гражданского населения и не привлекать внимания «военной» стрижкой.

Подводя итог, следует отметить, что слова и устойчивые словосочетания, имеющие в составе компонент-название части тела человека, составляют многочисленную группу в английском военном сленге. Понятия, выражаемые языковыми единицами соматического кода, универсальны, поскольку строение тела человека и особенности функционирования его частей общеизвестны и едины для всех народов мира. Между тем, проведенный анализ военной лексики и фразеологии языка неформального общения позволяет сделать вывод о том, что у представителей военной субкультуры возникают особые ассоциации, эмоции и оценки при употреблении в речи языковых единиц соматического кода культуры. Сленговые единицы с компонентом-соматизмом в языке представителей вооруженных сил несут различное символическое значение, обусловленное субкультурной спецификой. Слова и словосочетания, имеющие в составе компонент-название части тела человека, в английском военном сленге обозначают военнослужащего, его эмоции, деятельность и поведение, отношения с окружающими, номинируют единицы вооружения, военной техники и оборудования, отражают сложившиеся в армейской среде стереотипы, что позволяет говорить об их яркой субкультурной обусловленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
2. Букулова М.Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php>.

5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Мазалова Н.Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: КНОРУС, 2001. 185 с.
8. Попова З.Д. Язык и национальное сознание. Воронеж: ВГУ, 2002. 314 с.
9. Рошаль М.В. Энциклопедия символов. М.; СПб.: АСТ, Сова, Харвест, 2008. 204 с.
10. Савченко В.А. Концепт «кость» в русских и немецких поговорках // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-kost-v-russkih-i-nemetskih-poremyah>.
11. Толстой Н.И., Толстая С.М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 162–186.
12. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.
13. Rossi D. A Flying Tigers Story [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.flyingtigersavg.22web.org/tiger2.htm>.

REFERENCES:

1. Bondaletov V.D. Social'naya lingvistika [Social linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1987. 160 p. (In Russian).
2. Bukulova M.G. Somaticheskaya frazeologiya tyurkskih yazykov: na materiale tureckogo yazyka [Somatic phraseology of the Turkic languages: on the

- material of the Turkish language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2006. 21 p. (In Russian).
3. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju [Body code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007. 288 p. (In Russian).
 4. Karaulov Y.N. Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary] URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php>.
 5. Kovshova M.L. Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: kody kul'tury. Izd. 2-e. [Lingocultural method in phraseology: culture codes. Ed. 2]. Moscow, LIBROKOM, 2013. 456 p. (In Russian).
 6. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij [Ethnopsycholinguistics and linguistic culturology: a course of lectures]. Moscow, Gnozis, 2002. 284 p. (In Russian).
 7. Mazalova N.E. Čelovek v tradicionnyh somatičeskih predstavlenijah russkih [Human in traditional somatic representations of the Russians]. Saint-Petersburg, KNORUS, 2001. 185 p. (In Russian).
 8. Popova Z.D. Jazyk i nacional'noe soznanie [Language and national consciousness]. Voronezh, VGU, 2002. 314 p. (In Russian).
 9. Roshal' M.V. Etnciklopediya simbolov [Encyclopedia of symbols]. Moscow; Saint-Petersburg, AST, Sova, Harvest, 2008. 204 p. (In Russian).
 10. Savchenko V.A. Koncept «kost'» v russkih i nemečskih paremiyah // Učenyje zapiski. Elektronnyj nauchnyj žurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Concept "bone" in Russian and German paremia. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk state University]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-kost-v-russkih-i-nemetskih-paremiyah>. (In Russian).
 11. Tolstoj N.I., Tolstaya S.M. Slovo v obryadovom tekste (kul'turnaya semantika slav. *vesel-) // Slavyanskoe jazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov [The word in the ritual text (cultural semantics of Slava *vesel-)].

Bratislava, sentyabr' 1993. Doklady rossijskoj delegacii. Moscow, 1993. P. 162–186. (In Russian).

12. Tolstaya S.M. Kody kul'tury i kul'turnye koncepty [Cultural codes and cultural concepts] // Tolstoj N.I., Tolstaya S.M. Slavyanskaya ehtnolingvistika: voprosy teorii [Slavic ethnolinguistics: theory issues]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2013. P. 109–113. (In Russian).
13. Rossi D. A Flying Tigers Story. URL: <http://www.flyingtigersavg.22web.org/tiger2.htm>.

Чичерова Елена Александровна

адъюнкт кафедры английского языка (основного)

Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

chicherova89@gmail.com

Chicherova Elena Aleksandrovna

adjunct at the English Department (main)

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

chicherova89@gmail.com